

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации
Романова Андрея Андреевича
«КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛИРИКЕ Е. ШВАРЦ»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 10. 01. 01 – Русская литература

Кандидатская диссертация Романова Андрея Андреевича «Культурные коды в лирики Е. Шварц» посвящена исследованию весьма актуальной для литературоведения темы - темы понимания поэтического мира Елены Шварц, одного из ведущих творцов «второй культуры», ярчайших представителей русской поэзии конца XX – начала XXI веков, чья поэтика, по слову соискателя, «сложна, многослойна, насыщена культурными реалиями различных эпох и народов» (С.3 авт.). Сам автор связывает актуальность своего исследования с тремя положениями: «во-первых, с уникальностью творческой индивидуальности Е. Шварц, создавшей художественный универсум, требующий новых методов интерпретации; во-вторых, с подходом к анализу этого универсума в аспекте культурных кодов, позволяющих вскрыть глубинные механизмы тексто- и смыслообразования; в-третьих, с необходимостью междисциплинарного исследования феномена культурных кодов средствами филологической, культурологической, этнопсихологической, исторической и других гуманитарных наук» (С.34-35). На наш взгляд, достаточно только первого тезиса. Два остальных – это уже детали методологии.

Поэтический мир Елены Шварц – это грандиозная, противоречивая, бушующая стихия слов и смыслов. Найти ключ от двери этого «дома бытия» - задача трудная, но крайне интересная. Есть два пути. Можно подобрать особый индивидуальный ключ, подходящий только к этой конкретной дверце. А можно применить «универсальный ключ», приложимый не только к творчеству конкретного поэта, но и любым другим поэтическим ойкуменам, и он тоже приоткроет нам многие тайны и смыслы. Андрей Андреевич Романов в своей методологии для достижения поставленной цели – «исследовать функционирование базовых культурных кодов в поэтической системе Е. Шварц, установить их связь с мировоззренческими ориентирами автора»(с.34), - пошёл именно по этому «универсальному пути». Культурные коды в поэзии Елены Шварц раскрываются на основе лингвокультурологической концепции, разработанной исследователем В.В. Красных, которая в своей работе «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» выделяет шесть базовых культурных кодов: телесный, духовный, пространственный, временной, биоморфный и предметный. Исходя из поставленной цели и выбранной методологии, Андрей Андреевич Романов формулирует задачи своего исследования: «выявление базовых культурных кодов в корпусе лирических произведений Е. Шварц; исследование телесного, пространственного, временного, биоморфного и предметного кодов: анализ единиц кодов, определение их функций в

художественном мире поэта; установление способов взаимодействия кодов, их связи с духовными исканиями автора» (с.34). Три главы диссертационной работы целенаправленно решают поставленные задачи, чётко и последовательно доказывая положения, выносимые на защиту.

В фокусе исследовательского внимания находятся пять из шести базовых культурных кодов. Духовное в поэзии Елены Шварц является тем онтологическим основанием, на котором строится всё её поэтическое мироздание. Духовное является *natura naturans* для пяти других кодов, которые суть *natura naturata*. Как справедливо отмечает автор, «духовное заполняет все уровни художественного универсума Е. Шварц и не ограничивается рамками отдельного кода» (с. 4 авт.). Таким образом, при анализе любого культурного кода так или иначе анализируется и духовное начало.

Телесный код в поэзии Елены Шварц, как показывает автор диссертационного исследования, является универсальным. С его помощью поэт «способен описать все многообразие мира, включая его духовное содержание» (с.7 авт.). Одно из главных наблюдений-открытий – это принцип «соматизации» («отелеснивания») всего сущего и сверхсущего в художественной вселенной Елены Шварц: «Тело есть у всего: у Бога, души, времени, луны, камня» (с.11 авт.). Можно сказать, что всё сотворённое Еленой Шварц сотворено, осмыслено, преображено по образу и подобию человека. Конечно, поэт знает, что человек сам есть образ и подобие Творца, но это знание реализуется как дерзновенная попытка перевоссоздавать мир по своему образу и подобию. И это не попытка человекобога «исправить» ошибки Творца, а попытка очеловечить бытие, сделать его более близким, понятным, человеческим, поставить знак равенства между макрокосмосом и микрокосмосом, вернуть мироздание в райское состояние, в котором бы Бог, человек и мир находились в состоянии содружества и сотворчества, были бы не враждебны друг другу. Именно эта цель порождает и то, что в поэзии Елены Шварц телесные коды лишаются, как показано в работе А.А. Романова, антиномии «высокое – низкое», «чистое – нечистое»: «Телесные образы Е. Шварц не делятся на «чистые» и «нечистые», поэтом не вводятся телесные табу, тело человека принимается автором целиком». (с.11.авт.) При этом перед нами не идеализированное тело, а тело со всеми его деформациями и искажениями, свойственными человеческому телу после грехопадения. Но дух никуда не исчезает. Онтологическое единство духа, души и тела на глубинном уровне сохраняется. Поэтому, говоря о теле, поэт говорит о духе, а дух – это то, что всегда обращено к Богу.

Исследование пространственного и временного кодов в поэзии Елены Шварц, привело А.А. Романова к выводу, что и тот и другой коды реализуются в традиционных рамках русской и европейской культуры. Но есть и индивидуальные особенности. Так, оппозиция «внутреннее - внешнее» иногда реализуется в поэзии Шварц прямо противоположно общекультурной традиции: «традиционно «внутреннее» — положительный полюс, а «внешнее» — отрицательный, но Е. Шварц осознает «внешнее» как желанное

и успокаивающие, а внутреннее — как пугающее и чужое» (с.116). Также исследователь отмечает смягчение контраста внутри оппозиции «верх – низ». Но самое важное наблюдение, на наш взгляд, это «уничтожение», преодоление физического пространства духовным, в котором исчезает разделённость, разорванность, отдалённость. Чем дальше разнесены объекты поэтического мира в физическом пространстве, тем крепче их единство в духовном (с.108).

Весьма интересным в диссертационном исследовании является анализ временного кода. Автор совершенно справедливо констатирует, что «в поэзии Е. Шварц временные отношения устроены сложно: даже на уровне одного текста может актуализироваться несколько взаимоисключающих представлений о времени» (с.128), при этом «алфавит» временного кода вполне традиционен: «прошлое», «настоящие», «будущее», «длительность» и «краткость», «линейность» и «нелинейность», «заполненность» и «пустота», «однократность» и «повторяемость», «непрерывность» и «дискретность», «медлительность» и «быстрота».

Несмотря на «взаимоисключающие представления о времени», А.А. Романов на основе анализа стихотворения «Распродажа библиотеки историка» всё же усматривает определённые модели времени, явленные в поэтическом мире: «С помощью временного кода Е. Шварц формирует две модели времени: линейное время (настоящее историка) и нелинейное время (память историка)» (с.120). Время памяти лишено дискретности событий, присутствует одновременность всего, что было до настоящего момента. «Историческое время полностью подчинено художественной задаче автора, оно охватывает огромные массивы прошлого в едином миге, выявляет квинтэссенцию определенных исторических периодов» (с.121). Настоящее же лирического героя стихотворения мертво, оно – «тьень», «тьень» прошлого.

В своём анализе автор приблизился к пониманию времени, которое разрабатывал немецкий философ Франц фон Баадер (и отчасти австрийский искусствовед Х. Зедльмайр). Баадер выделяет три способа временного бытия: «истинное» время, «кажущееся» время и время «ложное». Подлинное основание своей теории времени Баадер усматривал в Священном Писании и в Символе веры. «Истинное» время - это вечность, вечная жизнь. «Кажущееся» время - это наше обычное, историческое время. Истинное время вовсе не отделено полностью от нашего кажущегося времени, а как бы входит в него. Это опыт вневременного бытия во времени. «Ложное» же время - это абсолютное отрицание всякого настоящего. В ложном времени всё сущностное - в прошлом, подобно тому, как в истинном времени всё бытие - в настоящем. Существование же исключительно в прошлом - это, согласно Баадеру, проклятие, это способ временного бытия ада. Показательно, что анализ ада в книге русского философа Е. Трубецкого «Смысл жизни», приводит к таким же выводам: «Ад оставлен за бытием. Нет реального существа, которое в нём мучится, - есть только мятущиеся призраки. Вся жизнь этих призраков - в прошедшем. <...> Но нет у этих призраков ни настоящего, ни будущего».

Вообще же в поэтическом мире Елены Шварц, как показано в диссертационной работе, за прошлым закреплены положительные коннотации. Прошлое – это культура, цветение, насыщенность, радость, разум, мысль. «Настоящее» же – это зыбкая грань между жизнью и смертью, а «будущее» – конец, смерть, распад.

Окончательная победа над таким потоком времени возможна только через выход из него, т.е. через эсхатон. Но и до исполнения времён человек имеет возможность прикоснуться к вечности. Это, конечно, доступно святым. Но, согласно творческой концепции Елены Шварц, как показано в исследовании, это отчасти доступно и не святому человеку в акте творчества: «Смертный человек может выйти за границу времени и познать вечность, только в отдельные мгновения своей жизни, например, в миг творческого озарения» (с.142). Это то, что древние греки, а вслед за ними, переосмысляя событие вхождения вечности во время в свете благовестия, христианские богословы называли термином «кайрос», подлинное время, миг вечности.

Глава, посвящённая биоморфным и вещественным кодам, есть по сути расширенный аналитический комментарий с привлечением всего корпуса стихотворений Елены Шварц к её же небольшому эссе «Три особенности моих стихов» (это же можно сказать и о диссертации в целом). Исследователь, исходя из цели и задач, сосредоточивает внимание на двух. Дадим слово Елене Шварц. Вот как она определяет первую особенность своих стихов: «Шла я по дороге и думала: в стихах, как в таежной избушке, путник должен найти все нужное на первый случай — спички, хлеб, соль, топор, колодец рядом. Быстро порывшись в стихах, я все это обнаружила. Но дальше оказалось, что в них можно найти всё, о чем ни подумаешь: музыкальные инструменты, просто инструменты, почти всех птиц, животных, отвлеченные понятия, цветы, одежду, деньги, посуду... Хотя я не бытописатель, отнюдь». По поводу третьей особенности Елена Шварц говорит следующее: «Неодолимая привязанность к метаморфозам. Как у Овидия. Все превращается во все. Сириус — в пьяницу, Волк — во Льва, человек — в букет, в башню, цикаду, птицу, живую могилу, убийца — в жертву. Человек — в Бога. И так далее». Таким образом, перед нами полные «алфавиты» всех зооморфных, фитоморфных и вещественных кодов в их единстве и взаимосвязи. А.А. Романов подробно раскрывает, как реализуются эти алфавиты в поэтическом мире Елены Шварц и приходит к убедительным выводам, что зооморфный код «позволяет остранить понятие смерти, вступает во взаимодействие с другими семиотическими системами, оживляя стершиеся метафоры, служит средством выразительных характеристик героев» (с.19 авт.), и он «играет заметную роль в оформлении поэтологической концепции Е. Шварц» (там же). Фитоморфный же код помогает поэту «включать произведения в более широкий контекст, выражает представления о связи природы и Бога, природы и культуры, передаёт эмоциональные состояния лирической героини» (с.184).

Главная функция предметного кода в поэзии Елены Шварц - «воплощать индивидуальное представление автора о целостности мира, где все понятия и явления — часть единого замысла» (с.193).

В итоге исследования все поставленные задачи решены, цель достигнута, положения, выдвигаемые на защиту, доказаны.

Конечно, в процессе ознакомления с диссертационным исследованием А.А. Романова возникли некоторые вопросы и замечания.

1. В своём диссертационном исследовании А.А. Романова представил нам, так сказать, «дневной лик» творчества Елены Шварц. Но есть и иное. Ещё в 1990 году Ивор Северин (Михаил Берг) писал, что «лирический герой поэзии Е. Шварц – это утонченная интеллектуальна, сумасбродка, пифия-прорицательница, своенравная и изощрённая скандалистка, инфернальница, впадающая то в романтический, то в религиозный экстаз... Именно «полярность» лирической героини создаёт заряд напряжения любого текста, в котором обязательно сочетание мощного голоса, уязвлённого болезненным своеобразием, с семантической истерикой, что громоздит обильно увлажнённые кровью метафоры, раздробленные кости эпитетов, создавая сознательно задуманную картину мистического, спиритуального ужаса». Согласимся, что такой мир далёк от благостного всеединства. Вряд ли в этом мире «сглажены все оппозиции», «контрасты нивелированы» и всё скреплено «единством Божьего замысла». Думается, что и сама Елена Шварц вряд ли отреклась от своей «апологии скандала»: «Ничего великого не бывает без скандала» («Немного о скандалах»). Очевидно, что в дальнейших исследованиях творчества Елены Шварц А.А. Романовым будет затронута и «тёмная сторона» её художественной вселенной, т.к. без её рассмотрения и анализа картина поэтического мира будет не полной.

2. Если заменить в первом положении, выносимом на защиту, имя Елены Шварц на имя любого другого поэта, то изменится ли что-нибудь в теоретическом плане? Поэтические миры других поэтов живут по другим законам? Культурные коды в других поэтических системах не являются «инструментом формирования целостности художественного универсума»?

3. Иногда выводы по некоторым частным положениям делаются слишком поспешно. Для доказательства какого-то положения порой приводится недостаточно примеров. Так, например, на странице 103 преодоление оппозиции «восток – запад» проиллюстрировано одним шуточным стихотворением. Во втором примере дан уже совсем другой восток с китайским востоком ничего общего не имеющий.

4. На странице 110 название «Poetica – more giometrico» атрибутировано как латинское, но это итальянский язык.

5. На странице 147 утверждается, что «человеческое сознание расширило объективные границы природного и предметного миров, наделив их символическими смыслами». Всё же, как нам представляется, это не «расширение объективных границ», с объективными границами работать может только их Творец. Человек же может только расширять знание о них, постигать их прямые и символические смыслы.

Все эти замечания носят рекомендательный и полемический характер. Они несколько не умаляют ценности проделанного исследования, которое родилось из настоящей большой любви к поэзии Елены Шварц.

Подводя итог, отметим: диссертация Андрея Андреевича Романова «Культурные коды в лирики Е. Шварц» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (пп. 9,10,11,13,14), утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Измайлов Руслан Равилович,
кандидат филологических наук
(специальность 10.01.01. – русская литература), доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

04.06.2021

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

"Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова"

Тел. (845-2) 39-00-29

e-mail: sgk@sarcjns.ru

410012

Саратов, просп. им. Кирова С.М., д. № 1